

ДВА ЗАВѢЩАНІЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

(крѣпостные ищутъ воли).

Г. Р. Державинъ, на склонѣ своей жизни, имѣлъ довольно крупное состояніе. Кромѣ большаго дома въ Петербургѣ и разнаго движимаго имущества, у него было нѣсколько помѣстій въ разныхъ губерніяхъ. Отъ своихъ родителей онъ унаслѣдовалъ очень мало, всѣ же прочія имѣнія пріобрѣлъ самъ, то какъ награду за службу, то въ видѣ пожалованій за хвалебные стихи и оды, то покупкою.

Одно изъ его имѣній, село Смоленское-Державино тожъ, съ нѣсколькими принадлежащими къ нему деревнями, въ отдаленномъ Оренбургскомъ краю, въ Бузулукскомъ уѣздѣ, нынѣ Самарской губ., почему-то особенно озабочивало владѣльца. И въ послѣдствіи его крестьяне принесли немало заботъ и огорченій наслѣдникамъ поэта, болѣе же безпокойные изъ нихъ при этомъ крѣпко заплатились за безразсудное упорство и своеволие. Поводомъ къ этому послужили преждевременныя и неисполнимыя обѣщанія самого Державина и его туманныя пожеланія въ оставленномъ имъ духовномъ завѣщаніи.

Село Державино перешло къ Гавріилу Романовичу съ небольшимъ количествомъ земли отъ его отца, которому оно было пожаловано за службу. Державинъ прикупилъ къ нему у Башкиръ новыя земли и угодья и перевелъ сюда часть крестьянъ изъ другихъ своихъ имѣній, изъ Бѣлорусской и Казанской губерній, а для бѣльшей доходности построилъ винокуренный заводъ, съ которымъ дѣло, однако, какъ-то долго не налаживалось. Владѣлецъ не могъ подыскать для того добросовѣстнаго управляющаго. Только не задолго до смерти Державину удалось поручить этотъ заводъ крестьянину Разуваеву, который удачно повелъ дѣло и далъ владѣльцу хорошій доходъ. Державинъ былъ такъ доволенъ этимъ, что не только выразилъ Разуваеву свою благодарность, но объявилъ ему, что, въ знакъ своей признательности, онъ освобождаетъ „дочерей его и невѣстокъ отъ господскихъ работъ“. При этомъ довольный господинъ присовокупилъ: „служите только вѣрно; я и всѣмъ крестьянамъ и людямъ сдѣлаю такую милостивую льготу, что они послѣ меня вѣчно будутъ меня благодарить“.

Въ другой разъ Державинъ заявилъ, что имъ написана духовная, исполненіе которой наслѣдниками доставитъ всѣмъ ему подвластнымъ облегченіе“ *)

Вѣсть о такомъ обѣщаніи разнеслась по всему населенію с. Смоленскаго и, понятно, породила среди него надежду на свободную, независимую жизнь; хотя вмѣсто того привела ихъ къ нежелательнымъ и тягостнымъ послѣдствіямъ, о чемъ, однако, академикъ Я. К. Гротъ въ „Жизни Державина“ не упоминаетъ. Онъ говоритъ, что имѣлъ въ рукахъ списки съ завѣщаній, какъ самого Державина, такъ и второй его жены Дарьи Алексѣевны (урожд. Дьяковой, пережившей своего мужа на 26 лѣтъ), и хотя онъ считаетъ эти документы весьма интересными и важными для характеристики ихъ завѣщателей, но тѣмъ не менѣе не даетъ ихъ полностью, а знакомитъ читателей лишь съ сущностью обоихъ завѣщаній и съ нѣкоторыми поясняющими ихъ обстоятельствами. Но этого далеко недостаточно для полнаго уясненія послѣдующихъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ с. Смоленскомъ.

Приблизясь къ старости, Державинъ былъ озабоченъ вопросомъ, кому онъ можетъ передать свое знаменитое имя и оставить свои родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія отъ двухъ браковъ. У него явилась мысль передать свое имя одному изъ своихъ родственниковъ съ правомъ сдѣлаться по смерти обоихъ супруговъ единственнымъ наслѣдникомъ всего достоянія; но всѣ попытки въ этомъ отношеніи не удались; приходилось думать лишь о распредѣленіи имущества по своему усмотрѣнію, чтобы устранить послѣ себя возможные ссоры и тяжбы между родственниками.

Первоначально свое духовное завѣщаніе Державинъ написалъ и подписалъ 1-го Января 1804 года, вскорѣ послѣ выхода въ отставку изъ должности министра юстиціи. Въ этомъ завѣщаніи имѣлся одинъ пунктъ, въ которомъ была выражена воля Державина, чтобы, по смерти Дарьи Алексѣевны, *„всѣ подвластные ему крѣпостные люди и крестьяне, на основаніи указа 1803 года, обращены были въ свободные хлѣбопашцы“*.

Это первое завѣщаніе замѣнено другимъ, въ которомъ уже не было подобнаго, яснаго, опредѣленнаго пункта объ освобожденіи крестьянъ; а вмѣсто того въ него включенъ другой не вполне ясный и условный пунктъ съ пожеланіемъ оставить крестьянъ только на основаніяхъ, изложенныхъ въ написанномъ собственноручно положеніи 1-го Января 1804 г. Относится ли этотъ опредѣленный пунктъ (9-й) второго завѣщанія къ опредѣленно-выраженной волѣ завѣщателя въ первомъ, не получившемъ законной силы, проектѣ завѣщанія, или къ какому-либо другому написанному имъ въ тотъ же день положенію? Можно только предполагать, что онъ относится къ первому проекту завѣщанія.

Мы не знаемъ, какими побужденіями и соображеніями руководился Державинъ, включая въ свое первое завѣщаніе пунктъ объ обращеніи его крестьянъ послѣ смерти жены въ свободныхъ хлѣбопашцевъ, такъ какъ самъ

*) „Жизнь Державина“, Я. Грота. С.-Пб. 1880 г., стр. 955.

онъ лично былъ противъ изданія указа 1803 г. о нихъ, и его возрѣнія на этотъ предметъ были одною изъ причинъ его отставки. Непонятно также, почему онъ указанный пунктъ перваго завѣщанія объ освобожденіи крестьянъ замѣнилъ во второмъ глухой, условной, неопредѣленной ссылкой на него, какъ на документъ, съ предоставленіемъ, однако, рѣшенія этого вопроса на волю правительства, какъ повелѣваютъ законы.

Объясненіе такого, на первый взглядъ, страннаго измѣненія Я. К. Гротъ находитъ въ Запискахъ Державина. „Видя (сказано тамъ), что указъ (1803 г.), о вольныхъ хлѣбопашцахъ не исполняется и исполняться не можетъ, онъ въ своемъ завѣщаніи сдѣлалъ относительно *освобожденія* принадлежащихъ ему крестьянъ распоряженіе, которымъ съ одной стороны ограничилъ самовластіе своихъ наслѣдниковъ, а съ другой не далъ и крестьянамъ *никакого повода* къ своеволю или переходу въ другія мѣста. „Вотъ, конечно (добавляетъ Гротъ), та льгота, которую онъ за нѣсколько лѣтъ передъ смертью сулилъ въ будущемъ одному изъ своихъ прикащиковъ“.

Немного же, добавимъ мы отъ себя. Все-таки въ чемъ же льгота-то и облегченіе крестьянской участи?

„Но желаніе Державина (продолжаетъ Гротъ), не могло осуществиться: когда онъ въ 1808 или 1809 году просилъ черезъ Молчанова (статсъ-секретаря) объ утвержденіи Государемъ этаго распоряженія (т. е. сказаннаго проекта перваго завѣщанія), то императоръ Александръ I не изъявилъ на то своего соизволенія, а Державину было сообщено, чтобы онъ „просилъ о томъ въ судебныхъ мѣстахъ по законамъ, чего безъ воли монаршей никому не можно сдѣлать“¹⁾.

Однако не изъ чего не видно, чтобы Державинъ пытался добиваться осуществленія своего желанія судебнымъ порядкомъ, а вмѣсто того онъ замѣнилъ первое завѣщаніе новымъ, которое было подписано имъ уже послѣ составленія Записокъ, т. е. послѣ 1812 года.

Можно предположить, что, включая въ свое первое завѣщаніе пунктъ, соотвѣтствовавшій указу 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ и доводя объ этомъ до свѣдѣнія Государя, Державинъ думалъ вернуть утраченное имъ благо-расположеніе, какъ удачно пріобрѣталъ его не разъ прежде, во время написанными и поднесенными одами.

Включивъ во второе завѣщаніе ссылку на первое (или на положеніе) и, очевидно, не рассчитывая на исполненіе его въ этомъ пунктѣ, Державинъ прямо завѣщалъ отпустить послѣ его смерти на волю только нѣсколько чело-вѣкъ дворовыхъ.

Для полноты очерка приведемъ здѣсь полностью второе завѣщаніе по копіи Бузулукскаго уѣднаго суда²⁾:

¹⁾ „Жизнь Державина“. Я. Грота, стр. 1005—1007.

²⁾ Дѣло Канц. Оренб. Воен. Губ. 1849 г. № 55 „По рапорту дежурнаго генерала Главнаго Штаба Е. И. В. съ принятіемъ рекрута Макара Разуваева о неправильномъ завладѣніи помѣщикомъ Миллеромъ имѣнія, принадлежавшаго покойному тайному совѣтнику Державину“ и т. д.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

„Вижу многіе въ жизни сей примѣры, что смерть, не разбирая ни лицъ, ни обстоятельствъ, ни времени, никого не обходитъ. Внезапная кончина бываетъ причиною ссоръ наслѣдниковъ и безконечныхъ тяжбъ. Въ отвращеніе сего, не имѣя у себя ни дѣтей, ни родственниковъ рода Державиныхъ, кромѣ по женскому колѣну племянниковъ, отъ дочерей дядьевъ моихъ Миллера и Глазатовыхъ, будучи здоровъ и въ полномъ разумѣ, рѣшился я симъ завѣщаніемъ заблаговременно сдѣлать распоряженіе моему имѣнію, по большей части благопріобрѣтенному, и тѣмъ доставить миръ семейству моему.

1-е, Домъ каменный въ Петербургѣ, состоящій на Фонтанкѣ, между Измайловскимъ и Обуховскимъ мостами, купленный мною на имя первой, покойной жены моей у г. Захарова, со всѣми при немъ мною пріумноженными пристройками, по плану значущимися, принадлежащій мнѣ по записи въ С.-Петербургской Гражданской палатѣ, въ 1794 году шуриномъ моимъ по первой женѣ Бастидономъ учиненной, отдаю по смерти моей второй женѣ моей, Дарьѣ Алексѣевнѣ, урожденной Дьяковой, въ вѣчное и потомственное владѣніе съ тѣмъ, что должна она, объявя, гдѣ надлежитъ по законамъ, помянутую запись, внести въ казну съ написаннаго въ ней капитала пошлины, и преобразивъ оную себѣ въ крѣпость, заплатить въ теченіе своей жизни по-малу безъ процентовъ, или въ наслѣдство по себѣ оставить племянницѣ моей по первой женѣ Екатеринѣ Бастидоновой девять тысячъ руб., которые обѣщаль было я той же записью отцу ея Бастидону, ежели бъ онъ живъ былъ; а ежели ея Екатерины Бастидоновой прежде жены моей въ живыхъ не станеть, то уже никому одному изъ родни ея сей суммы девяти тысячъ рублей не отдавать, а употребить хотя по той же роднѣ въ раздачу или постороннимъ бѣднымъ по благоразсужденію Дарьи Алексѣевны.

2-е, Всѣ благопріобрѣтенныя мною недвижимыя имѣнія (и впредь если пріобрѣту), какъ-то купленныя, отъ правительства данныя и всемилоствивѣйше пожалованныя, а именно: въ Рязанской г. въ Михайловскомъ у. въ селѣ Никольскомъ—Горностаевка тожь, съ деревнями, въ Бѣлорусской г. въ Себежскомъ ключѣ, въ разныхъ деревняхъ; въ Новороссійской г., въ Херсонскомъ у. въ деревнѣ Гавриловкѣ, и въ смежной съ нею дачѣ, что мнѣ по купчей дошло отъ Петра Александровича Соймонова; въ Оренбургской г. въ Бузулукскомъ у. въ селѣ Смоленскомъ—Державино тожь съ деревнями, землями и къ нимъ принадлежащими угодыми по купчимъ, даннымъ, жалованнымъ грамотамъ, межевнымъ планамъ и книгамъ мнѣ слѣдующими, а людей и крестьянъ, что по послѣдней ревизіи тамъ стоятъ (кромѣ земли отцу моему за службу трехсотъ четвертей, а людей и крестьянъ родовыхъ), силою высочайше жалованной дворянству въ 1785 году грамоты, отдаю по смерти моей въ вѣчное и потомственное владѣніе ей же моей женѣ.

3-е, Покойныхъ родителей моихъ, отца и матери, весьма малыя родовыя недвижимыя имѣнія, а большею частію ими благопріобрѣтенныя же, какъ-то купленныя по закладнымъ и даннымъ отъ правительства доставшіяся въ Казань

ской г., въ Казанскомъ у. въ селѣ Сукурахъ (Покровское тожъ), въ Лаишевскомъ въ деревнѣ Кармачахъ и Бутыряхъ; въ Оренбургской г. въ помянутомъ селѣ Державинѣ земли, съ принадлежащими къ нимъ угодьями, по крѣпостямъ и межевымъ планамъ, а людей и крестьянъ по ревизіямъ тѣхъ селеній, откуда они съ прежнихъ жилищъ переведены за ними, родителями моими, писанныхъ, силою наслѣдственныхъ узаконеній и высочайшей конфирмаціи, на докладѣ Правительствующаго Сената по дѣлу князя Долгорукова съ Приклонскимъ въ 1799 г. состоявшейся, отдаю по смерти моей двоюродному моему племяннику по женскому колѣну Петру Миллеру, оставляя изо всѣхъ тѣхъ имѣній седьмую часть женѣ моей по общимъ законамъ, предоставляя въ ея же пользу въ томъ селѣ Державинѣ земли, мною купленные у Башкирцевъ, винокуренный заводъ со всѣми принадлежностями, на мой собственный капиталъ построенный, и переведенныхъ въ то село крестьянъ изъ Бѣлорусской г. изъ вышеупомянутаго Себежскаго ключа, изъ Арзамасскаго у. изъ деревни Гавриловки, изъ прочихъ пріобрѣтенныхъ мною деревень, которыя земли, заводъ и крестьяне, яко благопріобрѣтенные мною и на таковыхъ же земляхъ поселенные, да остаются женѣ моей по смерти ея, а послѣ оной да присовокупится сіе село на томъ же правѣ съ деревнями и землями къ родовымъ въ ономъ селѣ имѣніямъ въ наслѣдіе помянутому моему наслѣднику Миллеру съ тѣмъ, что ежели онъ, Миллеръ, при жизни жены моей ни въ какую съ ней тяжбу не вступитъ, а оставитъ ее полною и спокойною владѣлицею подареннаго мною ей имѣнія. А ежели онъ, наруша сіе мое распоряженіе, при жизни ея дѣлаетъ къ ней какія малѣйшія привязки и начнетъ тяжбы въ движимыхъ или недвижимыхъ родовыхъ или благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ, то въ такомъ случаѣ и въ томъ селѣ Державинѣ благопріобрѣтенныя мною имѣнія отдаю ей женѣ моей въ вѣчное и потомственное владѣніе, а родовыя вездѣ, гдѣ оныя только за мною состоятъ, какъ Миллеру, такъ и еще Глазатовымъ, племянникамъ моимъ, въ живыхъ находящимся, раздѣляются по равнымъ частямъ, какъ общіе законы повелѣваютъ.

4-е, Въ замѣну всего того подареннаго мною женѣ моей да заплатить она всѣ долги мои казнѣ, какъ-то въ банки двадцатилѣтній и вспомогательный, подъ которые заложены всѣ безъ остатка родовыя и благопріобрѣтенныя мои недвижимыя имѣнія, до платежа которымъ ни Миллеру, ни Глазатовымъ дѣла нѣтъ.

5-е, Сверхъ оныхъ казенныхъ, имѣющіеся на мнѣ партикулярные долги, по заемнымъ письмамъ, счетамъ и роспискамъ за моею рукою оставшимся, обязанъ заплатить реченный мой наслѣдникъ Миллеръ изъ родового имѣнія, ему мною упроченнаго; или, не вступая до смерти жены моей ни въ какое онаго владѣніе, предоставитъ тѣ частныя долги заплатить ей самой женѣ моей, а когда долги заплатитъ или прежде того сама захочетъ отдать ему то родовое имѣніе, то можетъ онъ и безъ платежа долговъ уже чистое получить оное; и сіе отдаю ему Миллеру на волю. Напротивъ того, надѣюсь я на доброе сердце жены моей, что она чрезъ свое хозяйство, не токмо заплатя

партикулярные долги, отдасть ему чистое и неразоренное родовое имѣніе; но ежели онъ и сѣстры его, Миллера, почтеніемъ своимъ сыщутъ ея къ себѣ уваженіе, то удѣлить и имъ что либо изъ оставленнаго мною ей и благопріобрѣтеннаго имѣнія. Но сіе все предоставляю въ полное благорасположеніе жены моей; а права они чего либо отъ нея требовать да не имѣютъ; ибо имѣніе мое собственное, почти все мною нажитое, и не столь велико, чтобы я могъ всѣхъ удовлетворить онимъ.

6-е, Небольшое движимое мое имѣніе, какъ-то: серебро, брилліантовья и всякія другія вещи, экипажи, лошадей, разные скотскіе заводы, посуду всякаго рода, платье, книги, требованія мои на комъ либо и наличныя деньги (кромѣ чужихъ, по опекамъ у меня хранящихся, кои значать по записнымъ въ конторахъ книгамъ), словомъ все безъ остатка въ С.-Петербургскомъ и деревенскихъ домахъ моихъ находящееся отдаю женѣ моей, оставляя ее во всемъ томъ полновластною хозяйкою и госпожею, и до сего никому изъ наслѣдниковъ дѣла нѣтъ.

7-ое, Дворовыхъ людей моихъ Михайла Осипова, Андрея Никифорова, Прокофья Иванова, камердинера Кондратя Тимофеева съ ихъ женами и дѣтьми, только бракомъ не обязавшимися, буде пожелаютъ, отпускаю я на волю, подтверждая таковую же свободу прежде мною отпущеннымъ съ письменными видами, за мою рукою данными; изъ коихъ Кондратю за вѣрную службу при отпускѣ дать въ награжденіе 500 рубл., а прочихъ снабдить нужнымъ на заведеніе ихъ, по благоразсужденію жены моей; прочихъ же дворовыхъ людей обоего пола, а особливо стараніемъ жены моей разнымъ мастерствамъ наученныхъ и всѣхъ вообще, которыхъ пожелаетъ она жена моя, принять ей на счетъ седьмой своей части, слѣдующей изъ родового имѣнія, и отпустить также на волю по ея благоразсужденію, смотря по усердной ихъ и вѣрной ей службѣ; и сіе зависѣть будетъ непосредственно отъ ея къ нимъ благорасположенія.

8-ое, Не отмѣнять жена моя и вышепоименованный наслѣдникъ положенія моего, учиненнаго въ 1784 году, относительно ежегодной дачи въ церкви деревень моихъ жалованья за труды священно и церковно-служителямъ.

9-ое, *Наконецъ, я бы желалъ, чтобы жена моя, по смерти своей, все вышесказанное, подаренное ей мое имѣніе, ежели правительство дозволитъ и то удобовозможно будетъ исполнить, не продавала, ни отдавала и въ наслѣдіе никому иначе не оставляла, какъ токмо на написанномъ мною собственною рукою 1804 года Января 1 дня положеніи; но если правительство того не дозволитъ, то быть на общемъ положеніи дворянскихъ имѣній, какъ законы повѣляютъ.* Писано въ С.-Петербургѣ при нижесказанныхъ свидѣтеляхъ. Мая 30 дня 1813 года. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Гавріиль, Романовъ сынъ, Державинъ. Свидѣтелями подѣ завѣщаніемъ подписались: тайный совѣтникъ Иванъ, Сергіевъ сынъ Ананьевскій, тайный совѣтникъ, сенаторъ Матвѣй Корнильевъ сынъ Бороздинъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Алексѣевъ сынъ Соколовъ.

Въ послѣднемъ пунктѣ Державинъ, какъ видимо, ссылается на нѣкое положеніе отъ 1-го Января 1804 г. или на первое свое завѣщаніе, не имѣющее ни силы, ни значенія. Ссылаются же на то, что отмѣнено и замѣнено новымъ и основываться на немъ по меньшей мѣрѣ странно, и ссылка на него не имѣетъ обязательной силы неопровержимаго требованія.

Державинъ скончался 8-го Іюля 1816 года, и его послѣдняя воля была 28-го Іюля того же года предъявлена къ засвидѣтельствуванію въ С.-Петербургскую Палату Гражданскаго Суда, восходила затѣмъ до Сената и Государственнаго Совѣта. Указомъ Правительствующаго Сената отъ 4-го Сентября 1818 г., на основаніи высочайше утвержденнаго 12-го Августа того же года мнѣнія Государственнаго Совѣта, завѣщаніе утверждено къ исполненію, и указаннныя въ завѣщаніи наслѣдники вступили во владѣніе завѣщанными имъ имѣніями. Затѣмъ жена Державина, Дарья Алексѣевна, послѣ своей смерти село Смоленское, которымъ она владѣла по завѣщанію мужа, со всѣми принадлежащими къ нему деревнями, со всѣмъ населеніемъ, съ имуществомъ крестьянскимъ и господскимъ, съ землями, лѣсами и угодьями и со всякими заведеніями завѣщала дѣтямъ наслѣдника своего мужа П. Н. Миллера. Завѣщаніе ея засвидѣствовано въ С.-Петербургской палатѣ Гражданскаго суда 27 Іюля 1842 г. Такимъ образомъ Оренбургское имѣніе Державина перешло полностью во владѣніе семейства Миллеровъ.

Уже вскорѣ по смерти своего господина, еще когда не послѣдовало окончательнаго утвержденія его духовнаго завѣщанія, крестьяне села Смоленскаго-Державино тожь. принадлежащихъ къ нему деревень начали волноваться и своевольничать, рваться на свободу изъ подъ зависимости вдовы своего господина, отказываясь отъ услугъ ей, а тѣмъ болѣе отъ услугъ позднѣйшимъ наслѣдникамъ Миллерамъ. Еще въ 1817 г. эти крестьяне, ссылаясь на 9-й пунктъ завѣщанія, начали отыскивать вольность отъ услугъ вдовѣ Державина подъ предлогомъ его бездѣтности, и произвели настоящій бунтъ, для усмиренія котораго потребовалась даже Бапкирская команда. По рѣшенію Оренбургской Уголовной Палаты, восходившему на высочайшее усмотрѣніе, 19 главныхъ виновниковъ были наказаны плетью и 11 изъ нихъ, по волѣ ихъ госпожи, были сосланы въ Сибирь. Такою строгостью крестьяне хотя на время были укрощены, но духъ непокорности въ нихъ уничтоженъ не былъ.

Съ 1842 г., со времени поступленія ихъ во владѣніе братьевъ Миллеровъ, крестьяне с. Смоленскаго, всегда отличавшіеся своеволіемъ и непокорствомъ, снова взбударажились и взялись отыскивать вольность отъ новыхъ помѣщиковъ, которыхъ не хотѣли признавать своими господами, не хотѣли подчиняться ихъ власти. Никакія мѣры не могли образумить ихъ и заставить отказаться отъ достиженія своей цѣли. А между тѣмъ, управляясь выбранными изъ ихъ среды прикащиками и бурмистрами, они не испытывали никакого стѣсненія: уѣзжали, куда вздумается и даже безъ письменныхъ видовъ, не имѣли понятія о власти помѣщиковъ, даже и не видали ихъ, такъ какъ послѣдніе никогда не бывали въ этомъ имѣніи. И все таки крестьяне были

недовольны, снова стали волноваться, сговариваться, производить между собой денежные сборы, сочинять прошения о своей жалкой долѣ, наконецъ выбрали ходаковъ для подачи этихъ прошеній и снарядили ихъ въ дальній путь. Трое изъ нихъ Иванъ Петровъ, Семень Ефремовъ и Іона Шильвановъ, взявши изъ домовой конторы 500 рублей, отправились въ Петербургъ и 13 Іюля 1843 г. подали прошеніе Государю Императору объ освобожденіи ихъ отъ власти помѣщиковъ Миллеровъ, которые, будто бы, владѣютъ ими неправильно, въ подтвержденіе чего ссылались на 9-й пунктъ завѣщанія Державина. По собраніи статсъ-секретаремъ Его Величества свѣдѣній и на основаніи духовныхъ завѣщаній имъ въ просьбѣ было отказано.

Въ то время четвертый довѣренный Іона Петровъ подалъ просьбу о томъ же министру внутреннихъ дѣлъ, въ которой онъ вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на то, что помѣщики ихъ разоряютъ и истязаютъ своихъ крестьянъ, а также ходатайствовалъ о защитѣ и огражденіи его съ товарищами, подавшими прошеніе Государю Императору, отъ притѣсненій помѣщиковъ Миллеровъ. Просьбу Іоны Петрова министръ препроводилъ Оренбургскому военному губернатору для разслѣдованія. Послѣдній въ свою очередь направилъ ее къ управляющему Оренбургской губерніей, управленіе котораго въ то время было въ Уфѣ, и предложилъ ему „поручить Бузулукскому уѣздному предводителю дворянства удостовѣриться въ образѣ упражненія помѣщика Миллера съ крестьянами и оградить ихъ отъ всякихъ несправедливыхъ требованій владѣльца“ *). Съ этой цѣлью предводитель дворянства былъ въ с. Смоленскомъ, произвелъ разслѣдованіе и донесъ гражданскому губернатору, что жалобы крестьянъ неосновательны: помѣщики Миллеры не бывали еще въ этомъ своемъ имѣніи, которымъ владѣютъ на основаніи законно утвержденныхъ духовныхъ завѣщаній и не могли истязать и обижать своихъ крестьянъ, которые всегда управлялись и управляются избранными изъ ихъ среды прикащиками и бурмистрами, не обращающими вниманія на нравственность людей; разореніе, на которое жалуются крестьяне, опровергается тѣмъ, что г. Миллеръ раздавалъ имъ на сѣмена разнаго хлѣба до 8500 пудовъ; если же они почитаютъ разореніемъ запрещеніе рубить безъ дозволенія и продавать изъ господскихъ дачъ лѣсъ, что ими прежде дѣлалось безпрепятственно, то и само правительство показываетъ примѣръ необходимости сберечь лѣсъ. При этомъ предводитель присовокуплялъ, что крестьяне эти и отъ перваго ихъ владѣльца г. Державина долгое время отыскивали вольность и оказывали неповиновеніе, такъ что вынудили мѣстную полицію вытребовать для усмиренія ихъ Башкирскую команду.

Послѣ этого разслѣдованія крестьяне-Державинцы Ефимъ Денисовъ и Ефимъ Васильевъ, называя себя избранными отъ общества, снова подали Оренбургскому губернскому прокурору прошеніе, въ которомъ жаловались на жестокое

*) Эти и послѣдующія свѣдѣнія и приводимая переписка между административными лицами взяты изъ Дѣла Канц. Оренб. Воен. Губ. 1849 г. за № 55, которое хранится въ архивѣ Оренбург. ученой архивной Коммиссіи.

обращеніе съ ними г.г. Миллеръ, поводомъ къ чему служатъ ихъ ходатайства о свободѣ. Въ то же время двое другихъ уполномоченныхъ Семень Ефремовъ и Трофимъ Трофимовъ подали прокурору же другое прошеніе, въ которомъ объясняли: „Помѣщикъ нашъ г. Державинъ при жизни своей, имѣя во владѣніи у себя благопріобрѣтенное самимъ имъ имѣніе, состоящее Бузулукскаго уѣзда при с. Смоленскомъ съ деревнями, заключающееся въ крестьянахъ по послѣдней ревизіи 890 душъ со всѣми землями и угодьями, въ томъ числѣ при селѣ Державинѣ родовую землю 300 четвертей, по несостоянію у него дѣтей и родственниковъ рода Державиныхъ, кромѣ по женскому колѣну отъ дочерей дядьевъ его Миллеръ и Глазатовыхъ, все означенное движимое и недвижимое имѣніе предоставилъ по духовному завѣщанію, писанному 1813 года 30-го Маія, женѣ его Дарьѣ Алексѣевой, урожденной Дьяковой. Это завѣщаніе къ засвидѣтельствованію явлено 1816 года 28 Іюля въ С.-Петербургской Палатѣ Гражданскаго суда, въ которомъ (т. е. завѣщаніи) помѣщикъ нашъ Державинъ между прочимъ въ 9-мъ пунктѣ того завѣщанія объявилъ желаніе, чтобы жена его Дарья Алексѣевна по смерти своей все вышеписанное подаренное ей имѣніе, если правительство дозволить и то удобовозможно будетъ исполнить, не продавала и въ наслѣдіе никому не оставляла, какъ токмо исполнила бы положеніе, писанное собственною его рукою 1804 года Генваря 1-го дня“. Содержаніе этаго положенія (по словамъ прошенія крестьянъ) заключалось въ томъ, чтобы крестьяне, по кончинѣ его и жены его Дарьи Алексѣевой, съ каждаго крестьянскаго тягла собрали по пяти руб. и на поминаеніе усопшихъ душъ ихъ внесли въ монастырь, а сами воспользовались отъ рабства свободою; каковое завѣщаніе крестьяне всегда готовы бы были исполнить съ усердіемъ, какъ только получать свободу и поступать въ казенное вѣдомство. „Но, нынѣ къ неожиданности нашей и явному помраченію силы завѣщанія послѣ кончины помѣщика нашего Державина и супруги его Дарьи Алексѣевой явились наслѣдники: чиновникъ X-го класса Константинъ Петровъ Миллеръ и мать его Елена Силина и братья его, Константина Владимиръ, Николай, Александръ, Гавріилъ, сестры ихъ Елисавета, Софья и Марья, которымъ, будто бы, жена покойнаго господина нашего Державина предоставила по духовному завѣщанію. Если это сдѣлано справедливо, то въ противность 9-го пункта, написаннаго въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ покойнымъ мужемъ ея, ибо она передавать крестьянъ другимъ владѣльцамъ не имѣла права и обязана была непосредственно исполнить волю и положеніе 1804 года Генваря 1-го дня завѣщателемъ мужемъ ея учиненное. Вѣроятно, положеніе это, по коему предоставлена намъ свобода, Дарьей Алексѣевой Державиной или господами Миллеръ сокрыто“.

Такъ объясняли свои права крестьяне с. Смоленскаго.

Губернское Правленіе, куда были переданы ихъ жалобы на разсмотрѣніе, въ указѣ своемъ отъ 23-го Іюня 1844 г. положило: „какъ изъ розыска учиненнаго г. предводителемъ дворянства видно, что крестьяне г.г. Миллеръ послѣ смерти прежняго своего владѣльца г. Державина отыскивали отъ услугъ

женѣ его долгое время свободу, тоже ссылаясь на положеніе, писанное самимъ Державинымъ въ 1-й день Января 1804 года; но были ли эти обстоятельства въ разсмотрѣніи какихъ-либо присутственныхъ мѣстъ и постановлялись ли объ нихъ рѣшенія, въ Губернскомъ Правленіи не видно; а потому и предписало Бузулукскому уѣздному суду: „ежели по выправкѣ окажется, что о высказываемой крестьянами г. Державина свободѣ въ разсмотрѣніи судебного мѣста дѣла еще не было и рѣшенія объ этомъ не послѣдовало, то по собраніи надлежащихъ свѣдѣній постановить о томъ на законномъ основаніи опредѣленіе“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно объявить объ этомъ крестьянамъ со внушеніемъ, чтобы они ожидали рѣшенія суда по ихъ просьбѣ и были послушны своимъ помѣщикамъ; а послѣднихъ распорядились обязать подписками, не чинить никакого наказанія крестьянамъ безъ вѣдома полиціи.

Въ Бузулукскомъ уѣздномъ судѣ въ то время уже имѣлось на производствѣ о крестьянахъ с. Державина особое уголовное дѣло по сбору денегъ на ходатайство о вольности и о другихъ противозаконныхъ поступкахъ, по которому повѣренные крестьянъ бѣглецы изъ села, Семень Ефремовъ и Семень Ермолаевъ содержались подъ стражею въ Бузулукскомъ тюремномъ замкѣ.

Бузулукскій судъ, получивъ отъ Губернскаго Правленія это распоряженіе, засвидѣтельствоваль бѣглымъ крестьянамъ Ефремову и Ермолаеву довѣренность отъ всего общества на ходатайство, которую губернской прокуроръ скрѣпилъ своею подписью. Началось новое дѣло по домогательствамъ тѣхъ же крестьянъ гибельное для нихъ и обременительное для помѣщиковъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, судъ, на основаніи законно составленныхъ и утвержденныхъ духовныхъ завѣщаній, призналъ домогательства крестьянъ неправильными и въ опредѣленіи своемъ 27 Ноября 1847 года постановилъ: „крестьянъ с. Смоленскаго, Державино тожь, съ деревнями, оставить въ крѣпостномъ владѣніи господъ ихъ Миллеръ; хотя они и прежде отыскивали свободу отъ услугъ г-жи Державиной, ссылаясь на положеніе, писанное собственною рукою г. Державина въ 1-й день Января 1804 г. и полсненное въ 9-мъ пунктѣ духовнаго завѣщанія, постановленнаго имъ, Державинымъ, въ пользу жены своей Дарьи Алексѣевой; но онаго, какъ тогда, такъ и нынѣ нигдѣ не отыскали, то вмѣнить имъ въ обязанность, чтобы они на будущее время не осмѣливались утруждать правительство бездоказательными и неосновательными просьбами о мнимой вольности, подъ опасеніемъ строгаго по закону взыскація“.

Рѣшеніе это постановлено объявить сторонамъ „при открытыхъ дверяхъ апелляціоннымъ порядкомъ и выдать имъ съ опредѣленія сего за скрѣпою секретаря копии, въ удовольствіи или неудовольствіи взять подписки“.

Копія съ рѣшенія представлена губернскому прокурору, а самое рѣшеніе объявлено сторонамъ 15-го Января 1848 года.

Во время производства дѣла въ уѣздномъ судѣ Губернское Правленіе, вслѣдствіе жалобы Миллеровъ Оренбургскому гражданскому губернатору, по

постановленію 11-го Іюля 1847 г. входило въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ о необходимости остановить рѣшеніе суда и прекратить дѣло и хотя получило на это разрѣшеніе, но поздно: дѣло было уже рѣшено и по апелляціи крестьянъ перенесено въ Гражданскую Палату и значительно затянулось.

Между тѣмъ крестьяне, одобренные предоставленіемъ имъ права иска и подстрекаемые своими повѣренными и сочинителями ябедническихъ просьбъ, вели себя совершенно независимо, не признавали власти помѣщиковъ и дѣлали, что хотѣли: открыто собирались для совѣщаній, производили денежные сборы на ходатайство, по своему произволу отправляли въ разные города своихъ повѣренныхъ; при нарядахъ на господскія работы заводили съ управляющими дерзкіе споры и выходили на нихъ по большей части въ „полупруга“*); многіе же, подъ предлогомъ болѣзни, неотысканія въ полѣ лошадей, неготовности упряжи, и вовсе отказывались отъ работъ. И все это проходило безнаказанно. Всякое распоряженіе помѣщиковъ о наложеніи взысканій на виновныхъ не только не достигало цѣли, но еще больше озлобляло крестьянъ и усиливало ихъ дерзость. Такъ, напр., въ 1845 г. возвратившійся изъ Уфы бѣглець, крестьянскій повѣренный, Семенъ Ефремовъ, когда его господинъ, поручикъ Миллеръ хотѣлъ взять его, какъ бѣглеца, ослушника приказаній и подстрекателя, грозилъ барину серпомъ, если онъ къ нему полойдетъ. Другой крестьянинъ Алексѣй Игнатовъ, бывшій въ бѣгахъ, грозилъ зарѣзать ножомъ сотскаго, явившагося арестовать его по приказанію барина, а сынъ Игнатова выстрѣлилъ при этомъ изъ ружья въ бурмистра. Затѣмъ крестьяне препятствовали владѣльцамъ-сонаслѣдникамъ раздѣлить между собою общую земельную дачу, при чемъ отказывались засѣвать свои поля, будучи увѣрены въ томъ, что помѣщики обязаны кормить ихъ.

Такое непокорное поведеніе крестьянъ въ отношеніи своихъ господъ не только сильно озабочивало и тревожило послѣднихъ, но и причиняло беспокойство властямъ, губернскимъ и уѣзднымъ.

Стремясь, во что ни стало, избавиться отъ барщины, освободиться отъ власти своихъ помѣщиковъ, Державинцы прибѣгали ко всевозможнымъ способамъ и всюду подавали прошенія съ своими жалобами и домогательствами. Тяготясь барской властью, они не имѣли терпѣнія дожидаться окончанія своего дѣла въ мѣстномъ судѣ и, вѣроятно не надѣясь на благопріятное для себя его рѣшеніе, пытались достичь цѣли чрезъ посредство высшихъ властей въ Петербургъ, куда не только посылали нарочно особо избранныхъ и обыкновенно самовольно отлучавшихся изъ села довѣренныхъ, но пользовались всякимъ случаемъ для подачи жалобъ и прошеній.

Въ началѣ 1849 г. въ составъ одной изъ воинскихъ частей Петербургскаго гарнизона попалъ односелець Державинцевъ рекрутъ Макарь Филипповъ Разуваевъ, членъ семьи именно того самаго благонадежнаго приказчика Разуваева,

*) Т. е. близко полудня.

которому при жизни своей Г. Р. Державинъ поручалъ управленіе винокуреннымъ заводомъ въ Оренбургскомъ имѣніи и службой котораго онъ былъ чрезвычайно доволенъ, освободилъ дочерей и невѣстокъ его отъ господскихъ работъ и которому обѣщалъ за вѣрную службу оказать по смерти своей особливую милостивую льготу вмѣстѣ съ другими его людьми, за которую они вѣчно будутъ благодарны.

Рекруту Макару Разуваеву, конечно, было хорошо извѣстно про это обѣщаніе, а также и толки въ его семьѣ объ завѣщаніи ихъ перваго господина.

Державинцы, надо полагать, возлагали большія надежды на пребываніе и службу своего односельца въ Царской столицѣ, вблизи Царя, котораго онъ будетъ часто видѣть и можетъ лучше другого кого объяснить самому Царю или его министру нужду и горе своихъ односельчанъ. Добравшись до Петербурга и оглядѣвшись въ столицѣ, рекрутъ Макаръ Разуваевъ дѣйствительно подалъ военному министру прошеніе¹⁾, въ которомъ онъ жалуется на неправомерное завладѣніе и различныя притѣсненія, чинимыя своимъ крестьянамъ бывшими его помѣщиками братьями Миллеръ; въ подкрѣпленіе этого Разуваевъ объяснялъ, что крестьяне въ числѣ 819 душъ по духовному завѣщанію Державина достались его женѣ въ пожизненное владѣніе, а по смерти ея безъ всякихъ законныхъ актовъ захвачены настоящими владѣльцами; и что хотя крестьяне черезъ своихъ повѣренныхъ неоднократно обращались съ жалобами къ правительству, но какія были по этому распоряженія имъ до сихъ поръ не объявлено. Послѣднее добавленіе, какъ мы видѣли, совсѣмъ живо.

Прошеніе Разуваева при рапортѣ дежурнаго генерала Главнаго Штаба отъ 17 Марта 1849 г. за № 2529 препровождено на распоряженіе къ Оренбургскому военному губернатору.

Генераль Обручевъ предписалъ²⁾ Оренбургскому Губернскому Правленію и Оренбургской Палатѣ гражданскаго суда представить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія по владѣнію имѣніями, оставшимися послѣ Г. Р. Державина. Губернское правленіе 28-го Апрѣля за № 5565 представило: копии съ духовнаго завѣщанія самаго Державина, съ мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу этого завѣщанія и съ опредѣленія Бузулукскаго уѣзнаго суда 27-го Ноября 1847 г. по дѣлу отысканія свободы крестьянами, о которомъ говорилось выше. Палата же 5-го Мая за № 190 доносила, что въ дѣлѣ, представленномъ на апелляцію изъ Бузулукскаго уѣзнаго суда, о людяхъ отыскивающихъ свободу отъ услугъ г.г. Миллеръ имѣются засвидѣтельствованныя копии съ духовныхъ завѣщаній Г. Р. Державина и супруги его Дарьи Алексѣевны и копія съ рѣшенія Правительствующаго Сената 4-го Сентября 1818 г., при чемъ представила военному губернатору и копія со всѣхъ трехъ документовъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію, этого прошенія въ дѣлѣ не осталось: оно возвращено по мѣсту подачи. Содержаніе его изложено здѣсь по письму воен. губерн. Обручева къ П. Н. Игнатову. Л. 106—109.

²⁾ 10-го Апрѣля 1849 г. за №№ 849 и 848; листъ 2 и 3-й.

Между тѣмъ Оренбургскій гражданскій губернаторъ, дѣйст. стат. сов. Балкашинъ отъ 28-го Апрѣля 1849 г. за № 4929 доносилъ военному губернатору ген.-отъ-инфант. Обручеву *):

„Бузулукскій уѣздный предводитель дворянства и тамошній земскій исправникъ отъ 22-го Апрѣля съ нарочно посланнымъ, сего вечера прибывшимъ въ Уфу, доводятъ до моего свѣдѣнія, что, по увѣдомленію Бузулукскаго помѣщика отставнаго поручика Александра Миллеръ объ оказаніи ему совершеннаго неповиновенія крестьянами его села Державина, они 18-го числа сего мѣсяца отправились въ имѣніе г. Миллеръ и, собравъ крестьянъ, хотя употребляли всѣ мѣры убѣжденія и вразумленія о должномъ повиновеніи владѣльцу, предваряя ихъ о той отвѣтственности, какой неминуемо они должны подвергнуться за непокорливость, но крестьяне, въ числѣ 170 душъ, остались упорными въ ослушаніи, уклоняясь отъ засѣва полей къ разоренію себя и владѣльца. При чемъ предводитель и исправникъ объясняютъ, что и въ прочихъ деревняхъ крестьяне г.г. Миллеровъ, составляющіе четыре равныя селу Державину части, едва удержаны отъ подобнаго своеволія; а проживающіе въ деревнѣ Гавриловкѣ, корнета Владимира Миллеръ, какъ пишетъ самъ владѣлецъ въ прошеніи на имя исправника, въ подлинникѣ ко мнѣ представленномъ, отложились отъ всякаго повиновенія. Почему и не имѣя никакой надежды привести ослушныхъ къ долгу кроткими мѣрами убѣжденія, они, предводитель и исправникъ, согласно съ ходатайствомъ г.г. Миллеръ, просятъ меня не отлагательно назначить въ имѣніи ихъ военную команду, опасаясь въ противномъ случаѣ гибельныхъ послѣдствій“.

„Поспѣшая донести о семъ в. в-ство, честь имѣю доложить, что вмѣстѣ съ симъ я отправляюсь самъ въ имѣніе г.г. Миллеръ, передавъ управление губерніею г. вице-губернатору, и употреблю все стараніе возвратитъ ослушныхъ къ долгу посредствомъ внушеній, объясненій и увѣщаній. Но, имѣя въ виду, что крестьяне эти не разъ уже открыто упорствовали въ своемъ заблужденіи и неповиновеніи и только силою и строгостію были усмиряемы, я вмѣняя себѣ въ обязанность покорнѣйше просить в. в-ство, не изволите ли сдѣлать теперь же распоряженіе, чтобы въ случаѣ нужды по первому моему къ вамъ донесенію изъ Бузулука, военная команда въ числѣ, достаточномъ для усмиренія слишкомъ 800 душъ, была выслана на мѣсто происшествія“.

Пославъ это донесеніе, губернаторъ Балкашинъ выѣхалъ въ с. Державино для приведенія въ повиновеніе ослушныхъ крестьянъ въ сопровожденіи жандармскаго подполковника Витковскаго, и 3-го Мая за № 2-мъ онъ вновь доносилъ по эстафетѣ генералу Обручеву съ мѣста происшествія, что послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній крестьянамъ объ обязанности повиноваться владѣльцамъ, хотя большая часть и оказали готовность засѣвать собственныя поля (отъ чего уклонялись подъ предлогомъ, что наслѣдники Миллеръ дѣлятъ общую дачу на четыре части), а также обѣщались и впредъ повиноваться владѣльцамъ

*) Получ. въ Оренбургѣ 2-го Мая, листъ 54 и 55.

и спокойно ожидать рѣшенія дѣла объ отысканіи ими свободы; но упорнѣйшіе изъ нихъ, 17 человекъ, не смотря на убѣжденія губернатора и полицейское для примѣра наказаніе, остались непреклонными и рѣшительно отказались отъ повинovenія своимъ господамъ, вслѣдствіе чего и были отправлены для заключенія въ тюремный замокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ предписалъ Бузулукскому земскому суду открыть временное отдѣленіе для производства надъ виновными слѣдствія впредъ до командированія съ этой цѣлью одного изъ совѣтниковъ Губернскаго Правленія.

Довося о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ, губернаторъ вновь просилъ генерала Обручева „для удержанія волнующихся крестьянъ отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ поспѣшить назначеніемъ въ имѣнія г.г. Миллеръ до 200 чел. военной команды подъ начальствомъ благонадежнаго офицера“.

Послѣ того Балкашинъ возвратился въ Уфу.

Второе его донесеніе получено въ Оренбургѣ 6-го Мая, и Оренбургскій военный губернаторъ 7-го Мая за № 1161 предписалъ управляющему Башкиро-Мещерякскимъ войскомъ „тотчасъ же сдѣлать распоряженіе, чтобы, въ случаяхъ поступленія отъ гражданскаго начальства требованія, немедленно была выслана въ имѣніе г.г. Миллеръ изъ ближайшихъ юртъ 10-го Башкирскаго кантона, расположеннаго въ Бузулукскомъ уѣздѣ, команда въ 200 чел. подъ начальствомъ благонадежнаго офицера, приказавъ оной находиться въ полномъ распоряженіи совѣтника Губернскаго Правленія или временнаго земскаго суда и исполнять законныя ихъ требованія“.

Одновременно съ этимъ (7-го Мая № 1162) военный губернаторъ извѣщалъ гражданскаго, что, „усмотрѣвъ изъ донесенія отъ 3-го Мая за № 2, что изъ числа крестьянъ 17 чел. главныхъ виновниковъ отправлены въ тюремный замокъ, а остальные по сдѣланному благоразумному внушенію приведены въ повинovenіе, съ обѣщаніемъ быть послушными своему владѣльцу, онъ (Обручевъ) находитъ уже излишнимъ назначать въ имѣніе г.г. Миллеръ военную команду, которая должна быть назначена изъ Башкирцевъ и отвлекла бы послѣднихъ отъ хозяйственныхъ работъ и въ особенности отъ посѣва хлѣба, которымъ они въ настоящее время занимаются. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки сообщалось о распоряженіи, данномъ командующему Башкиро-Мещерякскимъ войскомъ о приготовленіи команды и о высылкѣ ея немедленно по требованію гражданскаго начальства; при этомъ предлагалось сдѣлать распоряженіе объ обезпеченіи команды продовольствіемъ въ случаѣ ея вызова и во время нахождения на мѣстѣ экзекуціи.“

На это предписаніе губернаторъ Балкашинъ 9-го Мая № 5422 сдѣлалъ новое представленіе о назначеніи воинской команды въ 200 ч. въ имѣніе Миллеръ, находя эту мѣру крайне необходимою для водворенія между крестьянами прочнаго спокойствія и повинovenія владѣльцамъ, при чемъ подробно изложилъ приведенныя нами выше обстоятельства отношеній крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, при которыхъ губернаторъ находилъ необходимымъ принять сколь можно поспѣшнѣ строгія законныя мѣры къ удержанію крестьянъ

въ повиновеніи господамъ и къ сохраненію между ними порядка и спокойствія въ томъ особенно вниманіи, что по Бузулукскому уѣзду подобныя же дѣла возникли и въ имѣніяхъ другихъ помѣщиковъ.

„Мѣры эти (по мнѣнію губернатора) должны заключаться: а) въ скорѣйшемъ окончаніи производящихся о крестьянахъ уголовнымъ и гражданскимъ порядкомъ дѣлъ и примѣрномъ взысканіи съ главныхъ виновныхъ, чрезъ что, безъ сомнѣнія, положится конецъ ихъ несбыточнымъ надеждамъ о вольности и обуздается дерзость и своеволие и б) въ назначеніи, согласно съ желаніемъ г.г. Миллеровъ, хотя на нѣкоторое время военной команды, достаточной для того, чтобы посредствомъ оной заставить ослушныхъ исполнять всѣ законныя требованія помѣщиковъ“. Къ этому губернаторъ добавлялъ, что съ его стороны уже приняты всѣ мѣры къ немедленному окончанію судебныхъ дѣлъ и вновь просилъ распоряженія о назначеніи воинской команды. Для производства слѣдствія о крестьянскихъ беспорядкахъ былъ командированъ въ Бузулукскій уѣздъ совѣтникъ Пироговскій.

Обручевъ распорядился немедленно выслать просимую команду, о чемъ и далъ знать губернатору¹⁾.

Двѣ сотни конныхъ и вооруженныхъ Башкирцевъ подъ командой заурядъ-хорунжаго Бакаева 26-го Мая выступили изъ юртъ 10-го кантона²⁾.

Только послѣ этого Оренбургскій военный губернаторъ счелъ возможнымъ отвѣтить по поводу просьбы рекрута Разуваева. Возвращая эту просьбу при письмѣ отъ 31-го Мая за № 1353, онъ сообщалъ дежурному генералу П. Н. Игнатьеву о положеніи дѣла по владѣнію с. Державинымъ съ деревнями послѣ смерти первоначальнаго владѣльца. При чемъ, изложивъ сущность обоихъ завѣщаній (самого Державина и его жены), генералъ Обручевъ приходилъ къ заключенію, что такъ какъ желаніе Державина въ 9-мъ пунктѣ исполнено не было, а имѣніе передано наслѣдникамъ по особому завѣщанію жены его, то прошеніе Разуваева не подлѣжитъ удовлетворенію. Затѣмъ въ виду того, что крестьяне не представили того акта, на который ссылаются въ своихъ прошеніяхъ и котораго не имѣло въ виду правительство, и они ничѣмъ не могутъ доказать, что содержаніе его таково, какъ говорятъ ихъ повѣренныя, то просьба ихъ признана неуважительною и въ ходатайствѣ ихъ было отказано. Наконецъ Обручевъ сообщалъ о своеволии крестьянъ и о принятыхъ противъ нихъ мѣрахъ.

Вслѣдъ затѣмъ о командированіи воинской команды въ имѣніе Миллеровъ и о причинахъ этой командировки Обручевъ особо донесъ военному министру и министру внутреннихъ дѣлъ³⁾.

¹⁾ Предис. 13 Мая 1849 г. № 1231 Управл. Башк.-Мещ. войскомъ. Л. 98, и за № 1232 Оренбург. Гражд. губерн. Л. 99.

²⁾ Рапортъ Управл. Башк.-Мещ. войскомъ отъ 26 Мая 1849 г. № 900.

³⁾ 1-го Іюня за №№ 1410 и 1411. Л. 110 и 111.

19-го Іюня гражданскій губернаторъ уже доносилъ военному, что крестьяне помѣщиковъ Миллеровъ, сознавъ вину свою предъ господами, нынѣ исполняютъ безпрекословно всѣ законныя ихъ требованія и распоряженія. А потому губернаторъ, по просьбѣ самихъ помѣщиковъ, распорядился вывести воинскую команду изъ имѣнія, законченное же по этому дѣлу слѣдствіе передано въ Бузулукскій уѣздный судъ.

Башкирская команда выведена изъ имѣнія 25-го Іюня и распущена по домамъ.

Но крестьяне не угомонились. Они не сознавали за собой никакой вины и подчинились только необходимости, силѣ, покорились подъ давленіемъ тяжелой экзекуціи иноплеменной воинской команды. Въ справедливость рѣшенія суда по ихъ дѣлу съ помѣщиками они не вѣрили. Развѣ господа судьи потянутъ руку бѣдныхъ крестьянъ противъ богатыхъ помѣщиковъ? Такъ думали Державинцы и внутренно были убѣждены въ своей правотѣ и когда нибудъ все-таки рассчитывали добиться своей цѣли, избавиться отъ неволи, выбиться на свободу и въ этомъ отношеніи не отказывались отъ новыхъ попытокъ, рассчитывая на слѣпой счастливый случай, на благопріятное стеченіе обстоятельствъ и на особое умѣлое изложеніе прошенія.

А между тѣмъ въ Оренбургскомъ краѣ произошли перемѣны и преобразования въ административномъ управленіи. Въ 1851 г. была открыта новая Самарская губернія, въ составъ которой вошелъ и Бузулукскій уѣздъ. Изъ губерній Оренбургской и Самарской образовано генераль-губернаторство, и генераль-губернаторомъ назначенъ генераль-адъютантъ В. А. Перовскій (впослѣдствіи графъ), ранѣе, до 1842 года, уже управлявшій Оренбургскимъ краемъ.

Державинцы опять зашевелились. Изъ содержанія ниже приводимой переписки, находящейся въ томъ же дѣлѣ, виденъ весь ходъ ихъ новой попытки освободиться отъ власти помѣщиковъ.

Довѣренный крестьянъ с. Державина и деревень Гавриловки, Морозовки, Екатериновки и Оеклинки *), Петръ Безинъ съ товарищами въ Сентябрѣ 1854 г. подалъ Самарскому и Оренбургскому генераль-губернатору прошеніе, въ которомъ крестьяне жаловались: во первыхъ, что по производившемуся дѣлу въ Бузулукскомъ уѣздномъ судѣ, потомъ въ Оренбургской Палатѣ гражданского суда и въ 4-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената о предоставленіи имъ свободы отъ услугъ г.г. Миллеръ, они, по проискамъ послѣднихъ, лишены всѣхъ средствъ къ ходатайству, и изъ числа ихъ одинъ ихъ повѣренный, по настоянію нынѣшняго владѣльца, сосланъ въ Сибирь на поселеніе, а товарищи его болѣе 8 лѣтъ содержались въ тюрьмѣ, да и вообще всѣ крестьяне терпятъ побои. Духовное завѣщаніе Державина, засвидѣтельствованное въ С.-Петербургской палатѣ Гражданскаго Суда, по проискамъ Миллеръ, скрыто; присутственныя же мѣста, въ коихъ производится по просьбамъ повѣренныхъ Безина

*) Державинъ далъ это названіе селамъ, въ память своей первой супруги Екатерины Яковлевны и своей матери Оеклы Андреевны. П. Б.

съ прочими дѣло, не требуютъ ни подлиннаго завѣщанія, ни копій съ онаго и чрезъ что лишили ихъ права на свободу, а потомъ состоялось рѣшеніе Правительствующаго Сената. Во вторыхъ, по всеподданнѣйшей жалобѣ повѣреннаго ихъ крестьянина Рюмина статсъ-секретарь у принятія прошеній сообщилъ Самарскому гражданскому губернатору объявить Рюмину, чтобы онъ къ жалобѣ той представилъ копію съ опредѣленія Сената, свидѣтельство о бѣдности и о времени объявленія указа Сената; но документовъ сихъ, не смотря на нѣсколько поданныхъ разнымъ лицамъ и въ присутственныя мѣста просьбъ, получить не могутъ. Въ третьихъ, крестьяне жаловались генераль-губернатору, что г. Миллеръ и управляющіе его дѣлаютъ имъ разныя притѣсненія, жестоко наказывая или заставляя безочередно выжать по десятинѣ хлѣба, посылаютъ на господскую работу 4 дня, а имъ даютъ только два. Въ заключеніе повѣренные просятъ генераль-губернатора сдѣлать распоряженіе о выдачѣ требуемыхъ статсъ-секретаремъ документовъ и въ огражденіе отъ притѣсненій отдать ихъ впредь до рѣшенія дѣла въ опекунское завѣдываніе, опредѣливъ опекуна, минуя г. Шишкова, завѣдывающаго ими по смерти Миллеръ, о притѣсненіяхъ же приказать произвести слѣдствіе, миновавъ властей Бузулукскаго уѣзда. Не дождавшись удовлетворенія на эту просьбу, Безинъ въ Октябрѣ того же года снова повторилъ ее.

Между тѣмъ генераль-губернаторъ просьбу Безина препроводилъ 22 Сентября 1854 г. Самарскому губернатору, причемъ, напомнивъ о высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ въ секретномъ циркулярѣ Мин. Внутр. Дѣлъ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства отъ 23 Октября 1853 г. о строгомъ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ помѣщиками 964 и 965 ст. IX т. Св. З. о сост., просилъ собрать необходимыя свѣдѣнія, удостовѣриться въ справедливости заявленій просителей и сдѣлать распоряженіе о выдачѣ просимыхъ документовъ.

Начальникъ Самарской губерніи К. Гротъ 5 Апрѣля 1855 г. № 317, отвѣчалъ генераль-губернатору, что жалоба Безина на описываемыя притѣсненія, жестокости и обремененіе работами, по произведенному дознанію, оказалась несправедливою. Относительно же выдачи документовъ К. Гротъ доносилъ слѣдующее:

1) Рѣшеніемъ Правител. Сената въ искѣ свободы крестьянамъ г. Миллера отказано; указъ по сему предмету Гражданской Палаты отъ 2 Октября 1852 г. лично объявленъ бывшему повѣренному отъ крестьянъ Семену Ермолаеву, а также вычитанъ и прочимъ крестьянамъ и взята отъ нихъ подписка, что они обязаны оставить всякое ходатайство объ освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія.

2) Другой повѣренный крестьянинъ Рюминъ приносилъ всеподданнѣйшую жалобу на рѣшеніе Правител. Сената, но отъ статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества сообщено: объявить называющему себя повѣреннымъ крестьянъ помѣщика Миллера, крестьянину Рюмину, что эта жалоба оставлена безъ дѣйствія за неозначеніемъ ни сочинителя, ни переписчика оной и за

непредставленіемъ копиі съ опредѣленія Правител. Сената или свидѣтельства о бѣдности, равно свидѣтельства о времени объявленія ему указа Правител. Сената. Настоящее распоряженіе статсъ-секретаря остается не объявленнымъ крестьянину Рюмину за побѣгомъ его изъ имѣнія и по неизвѣстности его мѣстопробыванія. Хотя крест. Рюминъ и входилъ съ прошеніемъ въ Бузулукскій земскій судъ, ходатайствуя о выдачѣ ему копиі съ рѣшенія Правител. Сената, но какъ за полученіемъ оной не являлся, то эта копія и не была ему выдана. Впрочемъ крестьяне помѣщика Миллера, по распоряженію Самарскаго губернатора, снабжены уже засвидѣтельствованною копіею съ рѣшенія Правительствующаго Сената.

3) Въ Февралѣ 1853 г. крестьяне г. Миллера, подстрекаемые писцомъ Тихомировымъ, отказались отъ повиновенія владѣльцу, но земскою полиціею при бытности уѣзднаго предводителя дворянства водворено спокойствіе, а подстрекатель Тихомировъ преданъ суду и заключенъ подъ стражу.

4) Самая довѣренность, данная будто бы крестьянами одновотчиннику ихъ Рюмину, оказывается сомнительною, и о дѣйствительности сей довѣренности, равно о новомъ подстрекательствѣ крестьянъ, въ чемъ подозрѣвается исправляющій должность Бузулукскаго уѣзднаго стряпчаго чиновникъ Авровъ и занимавшійся у него письмоводствомъ Александръ Тугушевъ, производится слѣдствіе по распоряженію Губернскаго Правленія.

По всѣмъ обстоятельствамъ, находя жалобу Петра Безина несправедливою во всѣхъ отношеніяхъ, губернаторъ К. Гротъ полагалъ оставить ее безъ уваженія, а какъ она также могла быть составлена безъ согласія прочихъ неграмотныхъ крестьянъ, съ подстрекательства только неблагонамѣренныхъ людей, то, чтобы положить конецъ сему дѣлу, возбуждающему въ крестьянахъ неосновательныя надежды на полученіе свободы, онъ считалъ бы не лишнимъ и настоящее прошеніе передать слѣдователю для совмѣстнаго изслѣдованія о подстрекателяхъ крестьянъ помѣщика Миллера. Къ этому губернаторъ добавлялъ, что о положеніи производимаго слѣдствія о подстрекательствѣ крестьянъ и дѣла о возмущеніи ихъ писцамъ Тихомировымъ затребованы подробныя свѣдѣнія отъ слѣдователя Бузулукскаго исправника Лукина и отъ Бузулукскаго уѣзднаго суда, и онъ обратитъ особенное вниманіе на эти дѣла; что онъ предписалъ Бузулукскому земскому суду вновь объявить крестьянамъ помѣщика Миллера, что домогательство ихъ объ отысканіи свободы, за послѣдовавшимъ рѣшеніемъ Правител. Сената, не можетъ быть уважено и что они должны оставить всякую мысль о свободѣ, причемъ внушить имъ, чтобы они находились въ полномъ повиновеніи владѣльцу, подъ опасеніемъ за противное строжайшаго наказанія.

Генераль-адъютантъ Перовскій согласился съ доводами Грота и возвратилъ ему просьбу Безина вмѣстѣ съ поданной въ Октябрѣ 1854 г. для присоединенія къ производимому слѣдствію о подстрекательствѣ крестьянъ.

Внушеніе крестьянамъ, сдѣланное по распоряженію губернатора Грота, что они должны оставить всякую мысль о свободѣ и быть въ повиновеніи

владѣнью, повидимому не достигло цѣли, такъ какъ ихъ повѣренные въ томъ же 1855 г. одинъ за другимъ подаютъ генераль-губернатору графу Перовскому новыя прошенія.

Повѣренный Матвѣй Ивановъ опять повторяетъ исторію съ завѣщаніемъ, что они не могутъ найти его, отыскивая свободу; при чемъ жалуется, что г. Миллеръ за ихъ ходатайства отдалъ ихъ въ аренду Стобеусу, который отдастъ крестьянъ въ солдаты безъ очереди и въ послѣдній наборъ отдалъ трехъ братьевъ просителя, а его по неспособности назначилъ отдать безъ зачета; отца же его намѣревается сослать въ Сибирь на поселеніе. Отецъ Иванова подавалъ просьбу Самарскому губернатору, но тотъ возвратилъ ее, не сдѣлавъ никакого распоряженія. Послѣ того они входили съ прошеніемъ къ министру юстиціи, который препроводилъ его на распоряженіе его сіятельства. Стобеусъ, узнавъ объ этомъ, разорилъ Иванова совершенно, раздавъ крестьянамъ его скотъ, хлѣбъ, птицу и домъ, самого же съ семействомъ увезъ въ свою деревню.

Другой повѣренный, уже упоминавшійся раньше, крестьянинъ Рюминъ въ своей жалобѣ графу Перовскому, говоря о неудовлетвореніи просьбъ Бездина, жалуется на то, что г. Миллеръ, узнавъ о подачѣ просьбы, довѣреннаго Иванова заключилъ въ тюремный замокъ, а просителя Рюмина съ женой наказалъ розгами, давъ ему 1500, а женѣ 150 ударовъ. Теперь, по настоянію своихъ довѣрителей, Рюминъ вновь проситъ о выдачѣ документовъ и о передачѣ имѣнія въ опекуновское управленіе и не оставитъ безъ вниманія сдѣланнаго ему жестокаго наказанія.

Графъ Перовскій объ жалобы, и Иванова, и Рюмина, препроводилъ Самарскому губернатору.

На этомъ переписка въ дѣлѣ заканчивается. Чѣмъ завершилось дѣло о подстрекательствѣ, неизвѣстно.

Такъ вмѣсто обѣщаннаго облегченія, Державинскіе крестьяне получили лишь отягощеніе, упорно отыскивая свободу болѣе сорока лѣтъ, почти до самаго того времени, когда всѣ вообще крестьяне въ Россіи получили желанную свободу отъ крѣпостной зависимости; но уже не по собственному хотѣнію и настоянію.

Городъ Скобелевъ.

М. Л. Юдинъ.

